

РУССКАЯ ЖИЗНЬ

2458 Sutter Street
San Francisco 15,
California.

Editor: WAlnut 1-5381.
Office: WAlnut 1-5380.

"RUSSIAN LIFE"

RUSSIAN LIFE

КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО
С 9 ЧАСОВ УТРА ДО 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА,
КРОМЕ СУББОТ И ВОСКРЕСЕНИЙ.

Daily morning news except
Sunday, Monday & Holidays
"Second-class postage paid at
San Francisco, Calif."

Entered as second class matter
Aug. 5, 1921 at the Post Office
at San Francisco Calif., under
the Act of March 3, 1879.

НЕНУЖНАЯ ПОБЕДА

В южешской повести Чехова «Ненужная победа» девочка — нищенка, оскорбленная гордой графиней и ошутившая жажду мщения, с легкостью осуществляет казавшееся невозможным: стать ей равной.

Чехов, всегда столь требовательный к правдоподобию, допускает всякие натяжки, лишь бы дать ей возможность скорее и без сделки с совестью перепрыгнуть все ступени, отделяющие ее от положения графини. Он набрасывает промежуточные сцены торопливо не стремясь даже придать им вероиятие, так как для него в этой «авантюрной» повести важны лишь душевные движения героев, которые всюду остаются правдивыми. Быстрые успехи уличной певицы, розыгрыш молодца за миллион, согласие молодого графа исполнить обещание жениться на ней, если она достанет миллион, — всему этому надо верить на слово, не требуя схода с действительностью.

Сколько отравленных сердец мечтали, как чеховская героиня, стать «такой же», чтобы, наконец, заставить понять правду, наконец, иметь право дать ответ на проглоченное оскорбление. Чехов дает своей героине осуществить эту жажду, — он дарит ей победу над жизнью, — но для того лишь, чтобы показать ненужность ее. Единственная нужная победа — над человеком, — все равно, недостижима.

Когда, после брака с графом, героиня является в благотворительный бал, ее встречают случайные, бессмысленные оскорбления, и, поняв, что людская безжалостность неодолима, она принимает яд. Над умирающей склоняется та, которую она ненавидела, против которой она готовила свою детскую месть, — и девочка умирает, побежденная ее жалостливой улыбкой. Графиня, молодая и красивая, получит любовь вдовца и останется жить счастливой на той земле, с которой ее хлыст случайно свел попопавшуюся ей на дороге девочку с чересчур чувствительной душой.

Тема «Ненужной победы» остается основной темой Чехова. Он дает героям все житейские победы, чтобы показать бессмысленность мнившей их игрушки. В тысячах отражений он дает героям пережить свое острое страдание: «у нас нет ни ближайших ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати», — жалуются он в письме к Щеглову.

В отсутствии цели, веры в осуществление цели, Чехов видел свое отличие от писателей, которых мы называем вечными: «Лучшие из них реально и живут жизнью такою, какою она есть, но оттого, что каждая строка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, которая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такою, какою она есть, и дальше ни тпру ни ну. Дальше хоть плетями нас стегайте.»

Никакая слава, никакая жизненная победа не могли дать закрыться этой внутренней ране Чехова: отсутствию веры в цель. Легкая уязвимость Чехова, сказавшаяся с такой силой в истории первого представления «Чайки», зависела от этой никогда не закрывавшейся внутренней мелочности в пустоту. Чехов не мог примириться сам с тем «ни тпру ни ну», которым он характеризовал созданный им мир. Он хотел истинной несомненной, которая дала бы, наконец, успокоение и ему и его героям. Но он обладал искренности, которая не допускала словесного самообмана. «Равнодушие хорошего человека есть та же религия», — записывает он в своем дневнике.

Чехов мог поверить лишь тому, что сам ощущал, — на слово он не мог принять чужие истины. Чужой мир, чужая истина не могли влиять на Чехова, и в этом смысле очень характерно его первое соприкосновение с Италией, сыгравшей такую роль для Голя. Чехов, «шатаясь по Ватикану, заках от утомления», ему кажется, что Рим «плохож в общем, на Харьков.» «Видел я все и лазил всюду, куда прикажывали. Давали нюхать — нюхал. Но пока чувствую одно только утомление и желание поестъ щей с гречневой кашей.»

Он не отрицал Запада и был возмущен, когда распристрастились стужа об его ваграничных впечатлениях: «Желательно было бы знать, кто это старается, кто оповестил всю вселенную о том, что будто ваграница мне не понравилась? Господи, Ты, Боже мой, никому я ни одним словом не вы-

сказался об этом! Мне даже Болонья понравилась», — с отчаянием добавляет он в письме к Суворину, укоряя его за то, что тот будто бы рассказывал, что Чехов разлегся на площади св. Марка и вахотел кашни.

Итальянские впечатления не отразились на внутреннем мире Чехова — и иностранная культура поразила его, главным образом, той внешней формой взаимоотношений, какую он сам считал наилучшей. Возможность казалась ему, при возможности более творческой формы общения, лучшей оградой между людьми.

Эта закрытость от внешних влияний, эта непроницаемость чеховской души явилась творческой его силой. Чехов видел зорко, но видел лишь то, что мог самостоятельно и до конца пережить сам. Поэтому весь созданный им мир монолитен и обладает несокрушимой внутренней логикой, так как родился из духовного опыта одной личности вне чужих влияний, хотя бы мимолетных влияний.

Действующие лица немного численны — их можно было бы собрать в несколько небольших групп, представляющих разновидности одних и тех же основных типов. Мысли появляются, как самостоятельные герои, и все они связаны с чеховским личным опытом — ни одной мысли, враждебной основам чеховской психики, не появляется в его творчестве, хотя бы даже в отрицательном свете. Спорящие в главных пунктах своего мирозерцания всегда внутренне согласны, они расходятся в выводах.

Таким образом, читатель ничем не отвлечен от гипноза, чеховской мысли — за ним, при вступлении в чеховский мир, наглухо захлопывается дверь, и извне не долетает ни одного постороннего звука. Одни и те же люди по-разному как будто устраивают свои судьбы — но их ждет та же развязка. Когда Аня уходит из имениевого сада искать «новой жизни», она может надеяться ее найти, — но мы знаем из опыта других чеховских девушек, что, после короткого пути, она вернется опустошенная, как Катя в «Скучной истории», как все ей подобные в его рассказах.

Оне отпавляются все за «новой жизнью», ища ее в перемене внешних условий — но «новая жизнь» возможна лишь при перемене их внутреннего «я»; об этом тщетно в тысячах повторяющихся образов говорит автор. Если судьба безжалостна к ним, то зато как они сами безжалостны к другим!

Нина Заречная осуществила свою «ненужную победу», став актрисой. Треплев победил насмешки и получил известность. Но если Тригорин не видит гибели Нины, она сама, страдающая от чужого бесчувствия, не замечает боли Треплева.

Настойчивость, с какою Чехов повторяет одну и ту же ситуацию, поразительна. Ирида в «Трех сестрах» не может дать хотя бы обмана любви

Тузембаху, который сейчас убьет ради нее; она ваяла лишь мыслью о себе, о собственной душе, от которой потерял ключ, — где же ей видеть чужую душу, почувствовать смерть на лице другого?

Так все герои Чехова жалят друг друга бесчувственно — «тяжелые любви». Их активность или инертность, сценное на месте или метание, вера или безверие, успех или неудача не влияют на судьбу, которая для всех одинаково уныла.

Если пройти по всей длинной галерее чеховского царства, взглянуть во все искаженные лица, подслушать все их жалобы, то окажется, что Чехов во множестве образов передал одно, мучившее его сознание, что никакие «ненужные победы» не принесут мира человечеству, пока оно не ощутит необходимости любить и не научится всматриваться в душу другого человека.

Если уже нельзя добиться настоящей доброты, то Чехов готов пойти на компромисс: хотя бы «вежливость», хотя бы стали люди «связными», чтобы не так грубо ударять друг друга, сталкивая с дороги.

Чеховские люди лишены возможности сдвинуться с места, выскользнуть из замкнутого круга, потому что в них действует лишь центростремительная сила, влечение к самому себе. Каждый в собственной келье, один-на-один с своим личным болью, с своими личными желаниями, отделен от соседа непроницаемой преградой. Освободить из магического круга могла бы сила цен-

тробная, сила любви не жаждоной — но Чехов не находит ее и не может, как бы того ни желал, обещать ее, пока не поверит сам в опоспособность к ней человечества.

У Островского самые жуткие коллизии внезапно разрешаются, когда падают земные декорации, и все переносится в план нереальный: развязки приносят справедливость, любовь, доброту. У Чехова его «небо в алмазах» звучит без всякой надежды на осуществление — он не может отвести зоркого глаза от той реальности, какую он видит.

Свой последние надежды он возлагает на науку, на физическое перерождение людей: «мое святое святое — это человеческое тело.» Оставшуюся потребность веры он переносит на докторов, которых он действительно, ощущает спасителями человечества, единственными носителями любви и правды: «тяжело, когда знаешь, что уже помочь нельзя — за такие минуты все надо прощать доктору», говорит он в ответ Толстому.

Тут чудилась ему какая-то истина, ускользавшая от литературы, и Чехов постоянно искал спасения в медицине. «Медицина — моя законная жена, а литература — любовница». Он надеется, что когда-нибудь скальпель откроет природу человека и, значит, сможет ее улучшить. «Если человек знает учение о кровообращении, он богат; если к тому же выучивает еще историю религии и романс: «Я помню чудное мгновенье», то становится

еще богаче.»

Но для Чехова, который верил в зависимость психики от физики, учение о кровообращении давало большую надежду на спасение людей: «психические явления поразительно похожи на физические, так что не разберешь, где начинаются первые и кончаются вторые»; и «если знаешь, что и те и другие болезни лечатся одними и теми же лекарствами, поневоле захочешь не отделить души от тела.»

Чехов не мог освободиться от литературной тревоги, до конца не мог простить отсутствие цели — похвалы его «раздражают», в критике ему чудится «упокой, Господи, его душу». Медицина была для него прибежищем, «законной женой», дававшей необходимую веру в будущее.

Чеховские герои казались бытовыми приделками исчезающего мира, их основным своим считалась безвольность — и новый век должен был их уничтожить. На самом деле они только вырости на наших глазах до трагических размеров. Епиходов играет видную роль, но не стал от этого счастливее. «Ненужные победы», совершившиеся во всем мире, не принесли людям того освобождения, какого хотел Чехов.

Настойчивый его голос о необходимости любви, человечности или хотя бы «вежливости», «вежливости» в общении людей — звучит мечтою столь же отдаленной и почти безнадежной, как и раньше.